
Глава III

МОЛОДОЙ РАБОЧИЙ: 1908—1917

В один из дней 1908 года дед Хрущева посадил мальчика на телегу и отвез на ближайшую железнодорожную станцию, отстоявшую от Калиновки почти на пятьдесят километров. Отсюда Никита отправился в долгое путешествие с двумя пересадками — в город Юзовку, находившийся почти в девятистах километрах к юго-востоку от Киева, в Донбассе. Его никто не встречал: четырнадцатилетний Никита, однажды уже побывавший у отца в Юзовке, сам нашел дорогу на шахту, где работал отец¹. Через несколько недель к нему присоединились мать и сестра. Хрущевы поселились в двух крохотных комнатках, которые делили с другой семьей, в одноэтажном, барачного типа здании неподалеку от шахты Успенской, в степи.

Поезд, примчавший Хрущева в Юзовку, доставил его из захолустного села в хаотический новый мир индустриальной революции. Название города (с ударением на первом слоге) звучит совсем по-русски; однако оно происходит от фамилии англичанина Джона Хьюза, основавшего город в 1869 году. (В 1924-м Юзовка была переименована в Сталино, в 1961-м — в Донецк.) «New Russia Company», фирма Хьюза, заключила с царским правительством контракт на строительство железных дорог и производство рельсов². Хьюз привез из Англии около семидесяти инженеров и техников, построил для них кирпичные и деревянные дома. В 1956 году «первым и самым ярким впечатлением» Хрущева в Великобритании стали «небольшие домики из красного кирпича... Почему же мне в память врезались они? То были домики моего детства... Как и в Великобритании, они заросли зеленым плющом. Летом видны были только окна, а все стены покрывала зелень плюща»³.

Под руководством инженера Джона Хьюза (Юза) русские и украинские рабочие возвели огромный индустриальный комплекс, включающий в себя шахты, домны, ветряные мельницы, металлургические заводы, ремонтные и другие мастерские. Что ни день, то удлинялись на несколько километров железнодорожные пути в городе и вокруг города. К 1904 году население Юзовки выросло до 40 тысяч человек, к 1914 году — до 70 тысяч. В 1913 году Донбасс поставлял 87 % российского угля⁴.

Индустриальное развитие намного опережало строительство жилья и развитие инфраструктуры. Разумеется, к англичанам и другим иностранцам — владельцам и управляющим шахтами — это не относилось. Они жили в «английской колонии» — аккуратных домах, на улицах, обсаженных деревьями, с электричеством и централизованным водоснабжением. Но прочие районы города производили жалкое впечатление. «Грязь, вонь и насилие» — так описывал Юзовку накануне Первой мировой войны один революционер⁵. А вот слова другого свидетеля: «Черная земля, черные дороги... На всем руднике ни одного деревца, ни одного кустика: нет ни пруда, ни ручейка. Кругом, куда глаз хватает — однообразная, выжженная солнцем степь»⁶.

Условия жизни и работы в Юзовке словно иллюстрировали антикапиталистические трактаты того времени. «Мне думалось, — вспоминал в 1958 году Хрущев, — что Карл Маркс словно был на той шахте, на которой работали я и мой отец. Он словно из наблюдений нашей рабочей жизни вывел свои законы...»⁷ Рабочие кварталы в Юзовке часто называли «шанхаями» и «вороньими слободками»; два поселка в самом деле носили названия «Сучий» и «Вороний»⁸. В 1910 году жители Юзовки набирали воду из 27 разбросанных по городу колодцев: единственный водопровод обслуживал только иностранцев. Рабочие жили в бараках, по пятьдесят — семьдесят человек в комнате. Никакой мебели в бараках не было, если не считать расположенные рядами нары и веревку под потолком, на которой шахтеры сушили мокрую одежду и портянки. В шахту они спускались в обычной повседневной одежде, а поднимаясь на поверхность, лишь споласкивали лицо. Каждая кровать служила пристанищем двоим; работали в шахте в две смены, спали по очереди⁹.

Именно в таком бараке жил Сергей, отец Хрущева, когда уходил из Калиновки на заработки. Его соседи по комнате были такими же сезонными рабочими из близлежащих деревень. На шахтах и заводах Юзовки они превращались из крестьян в пролетариев в первом поколении — превраще-

ние, по поводу которого не только у капиталистов, но и у марксистов было принято выказывать некий отвлеченный энтузиазм. В реальности же это было ужасно. Уже в 1920 году, вернувшись в Юзовку после Гражданской войны, Хрущев обнаружил, что рабочие «живут в казармах и общежитиях. Спальные места были в два-три яруса. Можно себе представить атмосферу, в которой жил человек... Никогда не забуду увиденного: некоторые рабочие справляли малую нужду прямо со второго яруса вниз»¹⁰.

Дикость нравов, описанная Хрущевым, была связана с ужасающими условиями труда. Рабочий день продолжался до 14 часов. Шахтеры ползали по темным туннелям, волоча за собой свои тележки: зачастую весь рабочий день им приходилось проводить лежа, согнувшись, а то и по пояс в воде. В самых глубоких шахтах, где температура достигала 30—35 градусов, люди работали нагишом — как сами они говорили, в одежде Адама¹¹.

Средняя оплата за такую работу составляла от одного до полутора рублей в день¹². Часто шахтерам платили купонами, которые полагалось обменивать на дорогостоящие и низкокачественные товары в лавках компании. В 1908 году при взрыве газа на шахте погибли 274 человека, в катастрофе 1912 года — 118. Во всем Донбассе проживало 157 врачей, и лишь 18 из них (плюс 23 фельдшера и пять медсестер) приходилось на 100 тысяч человек, составлявших к 1916 году население Юзовки. С пугающей регулярностью косили народ эпидемии: в 1892 году только в одной Юзовке 313 человек погибли от холеры, в 1896 году — 400 от тифа и дизентерии. Во время холеры 1910 года, как вспоминал Хрущев, «заболевшие шахтеры сразу попадали в холерный барак, откуда никто не возвращался. Тогда поползли слухи, что врачи травят больных. Нашлись и “свидетели”, которые видели, как кто-то шел мимо колодца и высыпал туда какой-то порошок»¹³.

Многие обитатели Юзовки искали забвения в пьянстве и насилии. В 1908 году в городе процветало не менее тридцати трех винных и водочных лавок. Неудивительно, что драки и беспорядки не были здесь редкостью. Писатель Константин Паустовский, проживший в Юзовке год, бывал свидетелем побоищ, в которых «участвовали целые улицы. Кровь текла ручьем, немало было сбитых в кровь кулаков и переломанных носов». В 1912 году заезжий журналист так описывал Юзовку: «Здесь собраны воедино все ужасы шахтерской жизни. Все темное, злое и преступное — воры, хулиганы, прочие подобные люди — ни в ком из них нет недостатка»¹⁴.

Говорят, что одним из последствий Первой мировой войны для Европы стало «общественное ожесточение»¹⁵. В Донбассе на рубеже столетий жизнь и без того была жестокой. В примитивности и неразвитости шахтеров следовало видеть прежде всего безжалостную эксплуатацию, которой подвергали их хозяева шахт. Мизерная оплата труда еще снижалась благодаря сложной системе штрафов, взимаемых как полицией, так и заводским начальством. Если рабочие возмущались, требуя, в числе прочего, «более уважительного отношения» к себе — их запросто могли подвергнуть публичной порке¹⁶.

В первые десятилетия существования Юзовки забастовки были редкостью. Изолированные социально, разъединенные из-за специфики своей работы, подавленные нечеловеческими условиями жизни и труда, шахтеры по большей части пассивно мирились со своей участью: лишь изредка их затаенное недовольство прорывалось наружу во вспышках возмущения, быстро переходивших в бессмысленные погромы и грабежи. Таковы были холерные мятежи 1902 и 1910 годов, а также забастовки 1905 года, переросшие в банальные еврейские погромы.

Революционеров в Юзовке было мало. Социал-демократы, предшественники коммунистов, привлекали к себе незначительное число последователей. Раскол партии в 1902 году на большевиков и меньшевиков до Юзовки так и «не дошел»: вплоть до 1917-го юзовские социал-демократы были едины.

Когда разразилась революция 1905 года, юзовские эсдеки были слишком слабы, чтобы создать себе на ней имя. В 1913-м лишь четыреста из тридцати тысяч рабочих называли себя большевиками. Правда, 16 апреля 1912 года юзовские шахтеры вышли на митинг протеста против Ленского расстрела — однако к началу Первой мировой войны ничто не предвещало грядущих потрясений. 1914-й стал годом относительного процветания, и все шахты и фабрики работали в полную силу.

В первые дни войны толпы рабочих, собравшись на городской площади, с одобрением внимали патриотическим речам. Однако к 1916 году, под влиянием больших потерь на фронте и все ухудшающихся условий жизни, первоначальный энтузиазм рассеялся. После отречения Николая II от престола в феврале 1917 года между рабочими и капиталистами, крестьянами и помещиками начались кровавые столкновения, постепенно приведшие от революции к

братоубийственной Гражданской войне. Оглядываясь назад, легко говорить, что такой исход был неизбежен. Однако это значит игнорировать противоположную тенденцию, тенденцию к улучшению стандартов и качества жизни, которая существовала в Российской империи и, если бы не война, возможно, могла бы разрешить существующие противоречия мирным путем и привести Россию к благополучию и процветанию.

«В 1870-х, — читаем мы в истории города, — бедность и нищета казались неотъемлемым уделом огромного большинства населения. Однако к 1913 году нищий шахтер-переселенец находился уже в низах общества, сделавшего большой шаг вперед как экономически, так и социально. Шестьсот рабочих компании «Новороссия» проживали в собственных домах...»¹⁷ В 1897 году читать умели лишь 30 % юзовских шахтеров, в 1921-м — 40 %. Даже к 1922 году две трети местных рабочих никогда не читали ни книг, ни газет¹⁸. Однако число школ росло, как и доступность библиотек, читален, концертов, театральных представлений. В 1900 году «культурные центры» Юзовки включали в себя церковь с церковно-приходской школой, две начальные школы (русскую и английскую), аптеку, книжный магазин, типографию, пять фотографических лавок и одну нотариальную контору. К 1913 году в городе было уже три частные гимназии, одно реальное училище, пять библиотек, в которых можно было брать книги на дом; летом устраивались концерты и цирковые представления под открытым небом. К лету 1917 года 56 % юзовских детей в возрасте от семи до тринадцати лет (многие — из рабочих семей) посещали школу. Помимо десяти школ компании «Новороссия» были открыты две церковно-приходские школы, армяно-григорианская школа, еврейские школы для мальчиков и девочек, государственная школа, коммерческое училище и две частные женские гимназии¹⁹.

В этих школах обучались дети представителей класса, который должен был казаться бедняку Хрущеву пределом мечтаний, — рабочей аристократии, высококлассных профессионалов, работавших в безопасных условиях, получавших неплохую зарплату и живших в очень приличных по тогдашним меркам домах. Конечно, они не составляли основную массу рабочих — но их было довольно много. Некоторые из них (приблизительно 10 % от общего числа рабочих) даже приобретали собственность и начинали вести себя как владельцы собственности — то есть, в сущности, из пролетариев превращались в буржуа²⁰.

В 1881 году во всей Российской империи было 434 горных инженера, из которых в частной горно-добывающей промышленности работали лишь 127. В середине 1890-х в списке обслуживающего персонала донбасских шахт значились (помимо 137 иностранных специалистов) 80 горных инженеров, 67 техников и технологов, 150 десятников, 1150 руководителей артелей и старших рабочих в шахтах и 400 мастеров и начальников цехов на фабриках²¹. Попасть в их число было нелегко; однако энергичные, инициативные, надежные люди, способные заслужить доверие начальства, могли надеяться на карьерный рост.

В сущности, эти люди составляли зачатки «среднего класса», на отсутствие которого историки отчасти возлагают вину за экономическую отсталость и политический авторитаризм Российской империи. Эти честолюбивые пролетарии со временем могли положить начало демократическому рабочему движению, связывающему свои надежды с конструктивной модернизацией. Однако сейчас они находились в тупике — между загнивающим царским режимом, запрещающим даже организацию профсоюзов, и большевиками, действовавшими во имя рабочего класса, но в долговременной перспективе — вразрез его интересам.

Таков был мир, в котором обитал с 1908 по 1918 год Никита Хрущев. И, судя по всему, этот мир ему нравился. Правда, ранний биограф Хрущева Эдвард Крэнкшоу с этим бы не согласился: как ни тяжела была жизнь в Калиновке, пишет он, но «долгие часы, проведенные в полях, несли на себе отпечаток прелестей деревенской жизни. Мальчик бегал босиком — но ноги его ступали по рыхлому песку, дорожной грязи или шелковистой траве пастбищ. Он мог удить рыбу... мог впитывать звуки и запахи бесконечной русской равнины». В Калиновке было «очарование жизни» — а в Юзовке, в которой прошла юность Хрущева, автор не смог найти «ни одной симпатичной черты»²².

Неужто в самом деле ни одной? А сам город — новый мир, бурно развивающийся, бурлящий энергией, столь схожей с энергией самого юноши? Никита приехал в Юзовку в четырнадцать лет: в 1917 году ему исполнилось двадцать три. За эти годы он обрел не только свое место в жизни, но и мечту, к тому же встретив женщину, которая разделила с ним и то и другое²³.

Родители Хрущева в дни возмущений и беспорядков отсылали сына в Калиновку — от греха подальше. Однако чем

больше старались они защитить сына от городских опасностей, тем больше должна была его привлекать шумная, суетливая, полная неиссякаемых возможностей городская жизнь. Поначалу он занимался здесь тем же, что и в Калиновке — пас коров и овец, работал в саду у местного помещика. Потом, как и другие подростки, сделался трубочистом — тяжелая и опасная работа, в процессе которой нужно было залезать в узкую трубу, а потом выбираться оттуда, перемазавшись сажей и пеплом²⁴. Потом стал учеником на заводе — в это время у него появилась «мечта научиться слесарному делу». Ему предложили на выбор учиться на токаря или на слесаря — он выбрал последнее и, «немного поучившись, получил удостоверение и инструменты и начал ходить по цехам, чинить оборудование. Так в пятнадцать лет я стал рабочим»²⁵.

Металл для слесаря — все равно что дерево для плотника. На вопрос, почему он выбрал профессию слесаря, Хрущев отвечал: «Токарь имеет дело только с отдельными деталями, а слесарь собирает всю машину целиком и запускает ее в работу»²⁶. В первые же годы работы он собрал себе из обрезков труб велосипед, потом приделал к нему самодельный мотор и гордо разъезжал по городу на этом «мотоцикле».

Хрущев стал учеником слесаря-еврея по имени Яков Кутиков на фабрике Инженерной компании Боссе и Генфельда, неподалеку от шахт, в так называемом старом городе — темном районе с узкими, мощенными булыжником улочками, — так непохожем на раскинувшийся выше на холме современный Донецк. Немецкая компания Боссе и Генфельда занималась ремонтом сложного шахтового оборудования — подъемников, вагонеток, насосов и т. п., а также производила некоторые более простые устройства, используемые на шахтах. Хрущев работал на заводе с шести утра до шести вечера, с получасовым перерывом на завтрак и часовым — на обед, и получал за свой труд двадцать пять копеек в день. Пока он не соорудил себе велосипед, на работу и с работы, за несколько километров от дома, ходить приходилось пешком²⁷.

Жизнь была нелегкой, но увлекательной. На групповой фотографии рабочих компании, относящейся к 1910 году, мы видим степенных, потрепанных жизнью рабочих в темных куртках и теплых шапках; и среди них, в самой середине переднего ряда, широко улыбается нам курносый круглолицый парень — ученик слесаря Никита Хрущев²⁸.

В своем энтузиазме Никита был не одинок. Согласно исследованию настроений молодых Санкт-Петербургских рабо-

чих, ровесников Хрущева, «...ученики стремятся как можно скорее и как можно полнее втянуться в субкультуру взрослых товарищей: они гордятся своим растущим мастерством и смотрят на себя как на полноценных рабочих»²⁹.

Молодой московский рабочий так описывал свой профессиональный рост: «После года за станком я уже умел чертить и мог сделать не очень сложный чертеж. Я чувствовал все большую уверенность в собственных силах... Я становился смелее и увереннее в суждениях. Власть надо мной “старших” слабела. Я начал критически относиться к обыденной морали»³⁰.

Дальше тот же рабочий вспоминает (словами, паразитично напоминающими знаменитый соцреалистический роман «Цемент»), как «был захвачен поэзией большого металлургического завода: мощный рев машин, струи пара, колонны труб, черный дым, вздымающийся к небесам — все это казалось мне прекрасным... Я чувствовал, что растворяюсь в фабрике, в суровой поэзии труда, поэзии, ставшей мне ближе и дороже тихого, ленивого течения сонной деревенской жизни»³¹.

Важно иметь в виду, что слесари в иерархии заводской жизни стояли почти на самом верху. По категориям оплаты в компании «Новороссия» слесари занимали третье место в первой десятке³². Работа строителей, например, ценилась куда дешевле: в результате, как вспоминал Хрущев, «те, которые строили дома: клали стены из кирпича и выполняли плотницкие работы, считались “деревней”»³³.

Несмотря на тяжелый труд, Никита всегда находил время для общения с друзьями. Целые дни проводил он с Михаилом и Ильей Косенко, ровесниками и такими же, как он, учениками на заводе. Восемьдесят один год спустя дочь Ильи Ольга еще жила в семейной глинобитной мазанке, выстроенной в 1910 году. Улица, по которой Никита ходил в гости к своим друзьям, в 1991-м выглядела, должно быть, еще хуже, чем восемьдесят лет назад: посреди дороги — канава, полная мутной воды, обочины заросли травой, по сторонам, за изломанными заборами — мазанки дореволюционных времен. Прохожие опасливо пробирались краешком канавы, перепрыгивая через камни и обходя кучи мусора. В 1910 году, когда круглолицый рыжий паренек приезжал к друзьям на своем «мотоцикле», распугивая шумом мотора окрестных голубей, будущее виделось ему в розовом тумане и жизнь казалась прекрасной.

На вечеринках, устраивавшихся в доме Косенко, Никита был «душой общества». Он любил шутить и смеяться, мас-

терски рассказывал забавные истории. Правда, в компании Косенко и их друзей ему не удавалось почувствовать себя вполне своим. Никита увлекался девушками, однако три сестры Косенко оставались к нему равнодушны: мало того что «кацап», мало того что рыжий и чересчур мал ростом — еще и слишком беден для того, чтобы вызывать романтический интерес³⁴.

Там же, у Косенко, Никита впервые познакомился с политикой. Однажды, еще будучи трубочистами, друзья решили пожаловаться начальству на невыносимые условия работы — и были уволены³⁵. Примерно в то же время Хрущев начал читать радикальные газеты, которые расклеивались на воротах шахт и фабрик. В мае 1912 года он уже собирал пожертвования в помощь семьям погибших ленских рабочих — подозрительный факт, привлечший внимание полиции³⁶. Известие об этом дошло до администрации Боссе и Генфельда, и Хрущева снова уволили. Не без труда он устроился слесарем по ремонту оборудования на шахту № 31, вблизи Рученкова. Здесь, по рассказу самого Хрущева, он распространял социал-демократические газеты и участвовал в организации групп по изучению марксизма. В 1914 году он перешел на машиноремонтный завод, обслуживавший десять шахт, что помогло ему расширить круг знакомств³⁷.

Везде, где работал Хрущев, он становился заметной фигурой. Согласно льстивому сообщению советских источников, «благодаря своей работе он постоянно был на виду, а живым, энергичным характером, открытостью и общительностью легко привлекал к себе людей». Шахтеры, ожидающие подъемной клетки, были «подходящей для Хрущева аудиторией. А рассказчик он был удивительно ловкий — не заскучаешь»³⁸. Сам Хрущев добавляет к этому: «Шахтеры считали, что я хорошо говорю, и просили меня выступать от имени всех перед хозяином, когда хотели что-то от него получить. Меня часто отправляли к хозяину с ультиматумами, потому что считали, что у меня для этого хватит смелости»³⁹.

Еще живя вместе с родителями, Никита начал проводить все больше времени в доме Ивана Писарева, управлявшего главной клетью на Рутченковской шахте. Как сообщалось в прижизненной биографии Хрущева, Писарев придерживался одних с ним политических взглядов: его квартира «стала надежным местом для бесед более острых и важных, чем у клетки»⁴⁰. Однако столь же, если не более, привлекал Хрущева и круг людей, собиравшихся у Писарева, — новый для

него социальный слой, куда он всей душой стремился проникнуть.

Сама фамилия «Писарев» показывает, что предками Ивана были грамотные крестьяне, писавшие письма и составлявшие прошения для своих односельчан. Иван был довольно образованным человеком (хотя и самоучкой) и принадлежал к «рабочей интеллигенции». Помимо работы на подъемнике, он подрабатывал сапожным ремеслом. Семья держала двух коров и нескольких свиней и была довольно зажиточна: жене Писарева работать не приходилось. Писаревы были знакомы с французами и немцами, работавшими в администрации шахты, и по крайней мере один раз были в гостях в доме с гувернанткой⁴¹.

Иван Писарев запомнился своей внучке как яркий, нестандартный человек. Его жена — разумная, скромная, дружелюбная женщина, прекрасно воспитанная, несмотря на недостаток образования. Больше всего привлекали Хрущева сестры Ивана. Старшая, Ефросинья, родилась в 1896 году, Маруся — в 1901-м, Вера — в 1903-м, Анна — в 1905-м и младшая, Агафья — в 1908-м. Внешне девушки были похожи друг на друга, однако сильно различались характерами. Рыжеволосая красавица Ефросинья была «мягкой и женственной» в отличие от Анны — одной из активисток комсомольского движения в Донбассе, впоследствии поступившей в Московский авиационный институт. Ефросинья помогала родителям растить сестер. Все пять девушек окончили местную гимназию.

Легко понять, чем привлекла эта семья честолюбивого юношу, но что нашли в Хрущеве Писаревы?⁴² По-видимому, их очаровали легкий нрав и неистощимая веселость Никиты, его любовь к музыке и танцам. Анна Писарева вспоминала, что в то время он был «худой, поджарый, быстрый, рукастый», «все умел делать», что «вместе со своим отцом отремонтировал весь дом» и «всегда был чисто одет». Ухаживая за Ефросиньей, которую в семье называли Фросей, Никита выказывал особое уважение ее отцу.

Анна Писарева описывала сестру как «очень красивую — стройную, белолицую». Хрущев, по ее рассказам, производил впечатление серьезного молодого человека: обществу сверстников он предпочитал разговоры со старшими. Однако были в нем и неистощимая энергия, и природная веселость. Он охотно катал соседских мальчишек на своем «мотоцикле», а «как только начал более или менее неплохо зарабатывать, обзавелся фотоаппаратом, часами и [новым] велосипедом. В то время все эти вещи были настоящими со-

кровищами. «Был упорен. Иногда очень молчалив. Спросят его: “Ты чего сердишься?” Молчит. Потом скажет: “Не сержусь”. — “По тебе видно, не скрывай”. Рассмеется. Не пил, состоял в обществе трезвости. И не курил тоже»⁴³.

Во время неформального разговора на встрече с президентом Джоном Кеннеди в 1961 году Хрущев вспоминал, как в молодости сильно переживал оттого, что выглядел моложе своего возраста, и как он обрадовался, начав сесть в 22 года⁴⁴. Характерно, что он не только не пил и не курил сам, но и вступил в общество трезвости — это говорит о высоких требованиях, предъявляемых не только к себе, но и к другим. И подавляемые вспышки раздражения, о которых вспоминает Анна Писарева, скорее всего были связаны с неспособностью всегда следовать установленным для себя правилам.

В 1914 году Никита Хрущев женился на Ефросинье Писаревой. В следующем году у них родилась дочь Юлия, а еще два года спустя, через три дня после Октябрьской революции, — сын Леонид. Как высококвалифицированный рабочий, Никита Хрущев был освобожден от призыва в армию. Вместе с квалификацией пришли высокий заработок и ощутимые привилегии. Много лет спустя Хрущев с гордостью рассказывал зятю, что зарабатывал в месяц тридцать рублей золотом — в два-три раза больше, чем обычный рабочий⁴⁵. «Я женился молодым человеком, в 1914 году мне было двадцать лет, — вспоминает Хрущев в своих мемуарах. — Как только женился, получил квартиру. У меня были тогда спальня и кухня-столовая, помещение приличное... А теперь? Мы не можем молодоженов удовлетворить не только отдельной квартирой, а и местами в общежитии»⁴⁶.

В 1959 году, когда Хрущев встречался с губернатором Нью-Йорка Нельсоном Рокфеллером, последний попытался его «поддеть», заметив, что на рубеже столетий около полу-миллиона жителей России эмигрировали в США в поисках свободы и больших возможностей. «Не рассказывайте мне сказок, — отвечал на это Хрущев. — За деньгами они ехали, только и всего. Я и сам едва среди них не оказался. Я серьезно подумывал, не уехать ли»⁴⁷.

«Тогда сейчас вы бы руководили каким-нибудь из наших многочисленных профсоюзов», — заметил на это Рокфеллер. Однако за океаном Хрущев едва ли достиг бы такого процветания. На фотографиях, сделанных около 1916 года, перед нами предстает подтянутый, молодцеватый шеголь в костюме с галстуком или украинской рубашке с вышивкой. На одном из снимков он в смокинге и галстук-бабочке, под

руку с молодой красавицей-женой. Как далек этот образ от толстого коротышки в дурно пошитом костюме, взошедшего на мировую политическую сцену сорок лет спустя!

Дружил Хрущев и с шахтером немного постарше себя по имени Пантелей Махиня. Пантелей стремился стать десятиником, много читал и занимался самообразованием: «Вся каморка — жилище Пантелея — [была] заставлена книгами. Они на полках, на столах, на сундучке»⁴⁸. По всей видимости, в этой комнате молодые люди часами разговаривали о жизни и политике; здесь Хрущев одолел первые в своей жизни политические сочинения и среди них — «Манифест Коммунистической партии». Махиня писал стихи, записывал их в синий блокнотик и читал своему приятелю, а Никита отвечал ему своеобразной «литературной критикой».

Одно из стихотворений Махины стоит процитировать полностью — и потому, что оно вдохновляло Хрущева в те годы, и потому, что его он вспомнил почти пятьдесят лет спустя, объясняя съезду писателей «задачи литературы» при социализме:

Люблю за книгою правдивой
Огни эмоций зажигать,
Чтоб в жизни нашей суетливой
Гореть, гореть и не сгорать...
Чтоб был порыв, чтоб были силы
Сердца людские зажигать,
Бороться с тьмою до могилы,
Чтоб жизнь напрасно не проспять.
Ведь долг мой, братья, поколенью
Хоть каплю оставить честного труда,
Чтоб там, за темной загробной сенью
Не грызла совесть никогда⁴⁹.

— Здорово! Очень здорово, Пантелей! — воскликнул Никита, впервые услышав эти стихи. — Может быть, не совсем гладко, но сказано сильно⁵⁰.

Если бы не революция, скорее всего, жизненный путь привел бы Хрущева к карьере инженера или заводского управляющего. Из его собственных слов и действий много лет спустя ясно, что это было — и в каком-то смысле, пожалуй, и осталось — его мечтой. Он поощрял и сына Сергея, и внука Юрия стать инженерами, и оба они при этом чувствовали, что исполняют не только свое, но и его желание⁵¹. Из всех детей любимчиком Хрущева был Сергей, сын от второй жены Нины: он хорошо учился и стал не просто инженером — специалистом по ракетной технике. Внучка Хрущева

Юлия Леонидовна, воспитанная в его семье как дочь — высокообразованная и обаятельная женщина, — работала литературным консультантом в московском театре имени Вахтангова. Хрущев хотел, чтобы она стала агрономом. Когда она вместо этого поступила на факультет международных отношений, он ворчал: «Что это за работа? Кончишь тем, что будешь переводить всякую чушь, которую несут политики».

«Для него, — вспоминала Юлия, — “стоящей работой” была работа директора завода или фабрики». Она рассказывала, как в детстве, делая уроки вместе с подругой, приходила к деду с арифметическими задачками, которые не могла решить сама. «Он внимательно нас выслушивал, улыбался и объяснял, что и как, — рассказывает она, — хотя, должно быть, ум его в это время был занят государственными делами». Дочь Хрущева Рада приобрела, с его точки зрения, более приемлемую профессию — стала биологом. Однако, если верить Юлии, «это тоже был не лучший вариант. Вот инженер — другое дело!»⁵²

Мечта Хрущева о карьере инженера вполне могла осуществиться. Даже до 1917 года места инженеров и управляющих не были закрыты для честолюбивых рабочих. А после 1917-го восхождение по карьерной лестнице сделалось намного проще. Однако Хрущева отвлекла от карьеры революция. Женившись, он, казалось, остепенился, решил ограничить свою жизнь работой, домом и семьей. Но когда Юзовка ощутила на себе разрушительное действие войны, когда в городе начались забастовки и мятежи, Никита не смог устоять перед зовом революционной стихии.

В марте 1915 года на Ругченковской шахте разразилась массовая забастовка. Началась она на заводе, где работал Хрущев, и, по-видимому, он был одним из зачинщиков. Когда рабочие собрались, чтобы потребовать повышения заработной платы и улучшения условий труда, Хрущев, по рассказам, «выступил на митинге с пламенной речью»⁵³. Позже в том же году к нему пришел человек с другой шахты. «Я слышал, что вы из активистов, — сказал гость Хрущеву. — Нам нужен надежный человек, грамотный, с хорошим почерком. Не можете ли кого-нибудь посоветовать?»

«На следующий день, — продолжает свой рассказ Хрущев, — я послал к ним одного человека с нашего завода, и он самым лучшим почерком переписал резолюцию Циммервальдской конференции. Эта резолюция разошлась среди рабочих и шахтеров по всему Донбассу»⁵⁴.

Ни Циммервальдская конференция европейских социалистов, состоявшаяся в Швейцарии в сентябре 1915 года, ни

ее резолюция, требовавшая мира как прелюдии к мировой революции, сами по себе не заслуживали бы упоминания в нашем рассказе. Хрущев рассказал эту историю лишь для того, чтобы показать: в Донбассе его знали как активиста, которому можно доверять. Очевидно также, что Хрущеву хотелось исполнить это поручение самому — но, увы, он не обладал необходимым для этого «хорошим почерком». Иначе к чему было бы дважды повторять столь прозаическую деталь?

В 1916 году, когда в Донбассе проходили антивоенные демонстрации, Хрущев помог рученковским шахтерам организовать несколько забастовок⁵⁵. В марте 1917-го в Юзовку пришла телеграмма об отречении царя от престола. «Помню, с какой радостью читали мы эту телеграмму», — писал Хрущев в местной газете пять лет спустя. В первый же выходной, в воскресенье, он помчался в город — и стал там свидетелем такой многолюдной демонстрации, каких никогда прежде не видывал. «И хоть ходил еще по руднику “царь рудничный” — пристав Безпалов и его помощник Мережко, в шпорах и с шашками, но никто их не боялся, а скорее они боялись и растерялись»⁵⁶.

Мы сказали, что революция отвлекла Хрущева от карьеры: можно ли так говорить, если вспомнить о том, что в результате он поднялся к вершинам мировой власти? Дело в том, что, как это ни странно, он был создан скорее для роли инженера или директора завода, чем политического лидера и государственного руководителя. Те же природные данные, что помогли ему подняться на вершину, предрешили и его падение; однако в осуществлении юношеской мечты собственный характер не стал бы для него помехой. Кроме того, став инженером, он получил бы образование, нехватку которого остро ощущал всю жизнь, и не был бы принужден играть унижительную роль «недалекого мужика», не вызывающего подозрений у всемогущего тирана.

Политическая роль Хрущева была ему навязана — как революцией, так и последующими событиями. Однако она указала новый путь к исполнению его мечты. Квалифицированный рабочий-металлург, инженер, директор завода — все эти профессии и должности не обещали быстрой славы. А политическая власть давала немедленное удовлетворение амбиций, хоть и таила в себе немало опасностей.

Хрущев вспоминал, как в ранние годы в Юзовке, еще до контактов с большевиками, однажды поспорил с товарища-

ми-рабочими о том, «что важнее — власть или образование. Спор шел жаркий. Мы с одним товарищем — он потом стал видным большевиком — говорили, что власть, конечно, важнее. У кого власть, тот контролирует и школы, и университеты. Стоит нам получить власть — мы легко получим и образование. А тот, у кого есть только образование, может никогда не добиться власти»⁵⁷.

Из этой истории видно, что Хрущев стремился к образованию. Даже достижение власти он рассматривал как путь к образованию и саморазвитию; однако не понимал, что образование и само по себе дает некоторую власть — ту, что приходит с познанием себя и окружающего мира. Трагедия Хрущева в том, что на своем пути к власти он в конце концов столкнулся с требованиями, которым не соответствовал, и, отчаянно стремясь заслужить уважение окружающих, потерял уважение к себе. Под конец жизни, отвечая на вопрос, о чем он сожалеет, Хрущев сказал: «Не было у меня образования, мало культуры. Чтобы управлять такой страной, как Россия, в голове надо иметь две Академии наук. А у меня было четыре класса церковно-приходской школы, а потом сразу вместо среднего — незаконченное высшее. Шарахался часто, был непоследователен. Обижал много хороших людей... кричал, ругался... на интеллигенцию, которая, если всерьез говорить, как раз и была за мой антисталинский курс. Они меня поддерживали, а я...»⁵⁸